

Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г.

«Распределённые мануфактуры» в малых городах России

В 2014 году мы описали новый феномен хозяйственно-экономического поведения населения в малых городах провинциальной России: «распределённые, или рассеянные, мануфактуры». Эмпирической «зацепкой» явилось наше полевое исследование в Новохопёрске и Урюпинске, где осуществляется изготовление и сбыт изделий из козьего пуха. В это производство включена значительная часть населения этих двух смежных районов Воронежской и Волгоградской областей.

Наименование такого промысла как «распределённой мануфактуры» обусловлено было тем, что вся производственная цепочка по добыче или производству и переработке ресурса (в конкретном случае козьего пуха) и по изготовлению и продаже платков (и многих других вязаных изделий из пуха) осуществляется в пределах местного общества, включая жителей сёл, и рассеяна по множеству домохозяйств, а многие домохозяйства специализируются в отдельных компонентах этого процесса, являясь отдельными звеньями единой производственной цепи.

Выявленные и описанные нами в последующие годы «распределённые мануфактуры» в других малых городах оказались типологически подобными «пуховой мануфактуре» Урюпинска и Новохопёрска: это «меховая мануфактура» в Лабинске, «сапожная мануфактура» в Кимрах, «мануфактура ростовской финифти» в Ростове Великом, и ещё несколько недостаточно описанных аналогичных «народных промыслов», все сконцентрированные в малых городах.

В условиях экономического кризиса, неразвитости местных рынков труда, широкого распространения неформальной и теневой экономики, активное население в некоторых малых городах сформировало особые способы (модели) экономического поведения (мы называем их традиционно «промыслами»), аналогичные некогда характерным для ранних стадий капитализма в Европе и России – распределённые (или рассеянные) мануфактуры (см.: Blum J., 1992 (1961); Kahan A., Hellie R., 1985; Ogilvie Sh. C., 1993). По совокупности признаков такие современные «распределённые мануфактуры» в малых городах представляют собой псевдоархаический экономический институт, поскольку воспроизводят все атрибуты классической рассеянной мануфактуры 14-18 веков. В такие «распределённые мануфактуры» вовлечена значительная часть трудоспособного населения как в самих малых городах, так и в окружающих их сельских районах. Домохозяйства включены в распределённые производственные процессы при получении (добыче) ресурсов, в изготовление из них традиционных местных товаров и в их реализацию (розничную и оптовую продажу).

Между тем, хорошо известно современное распределённое производство («distributed manufacturing»), широко использующее информационные технологии, как новая форма организации промышленного производства многокомпонентных товаров, не локализованная в одной точке, а составляющая «сеть слабосвязанных между собой взаимодействующих интеллектуальных производственных (заводских) объектов по производству отдельных компонентов продукта», при этом как правило вынесенного в третьи страны и распределённого на значительной

территории (см.: Kühnle H., 2009; Kühnle H., Bitsch G., 2015). Эта новая форма «распределённого производства» рассматривается сейчас в качестве перспективной, дополнительной и альтернативной традиционному индустриальному, конвейерному, производству (Коклан Д., О'Коннел Дж., Мерфи И., 2010; Vorr F., 2010; Dekkers R., Bennett D., 2015).

Однако ключевой особенностью обнаруженных и описанных нами распределённых производственных процессов является как раз их полное соответствие классическим рассеянными мануфактурам, а отнюдь не современному распределённому производству. (Хотя, если сравнивать атрибуты классической рассеянной мануфактуры с ключевыми признаками современного «распределённого производства», то некоторые из них совпадают, в приведённом ниже списке это пункты 1, 3 и 5). Для классической рассеянной мануфактуры характерны такие отличительные признаки, как:

- 1) наличие значительного числа отдельных, сравнительно независимых элементов производственного процесса, не требующих их объединения «под одной крышей»;
- 2) трудоёмкость, но простота большинства производственных операций, не требующих высокой квалификации работников;
- 3) специализация работников (обычно семей) на отдельных видах или группах производственных операций;
- 4) концентрация всех производственных процессов на одной контролируемой территории одного или нескольких соседских местных сообществ на фоне распределённого характера производства отдельных составляющих;
- 5) кооперация производственной деятельности и всех элементов распределённого производственного процесса – как правило, единый источник контроля всех составляющих производства и продажи готовых изделий (организационный центр – кулак-крестьянин, купец, промышленник, предприниматель, бандит, «крыша», государственная «контора», корпорация);
- 6) существенный, но необязательный признак - наличие местного природного сырья (или возможность массового производства населением сырья) для изготовления конечного продукта, который сам является массово востребованным товаром;
- 7) другой важный, но необязательный признак - наличие у местного сообщества уникального ресурса, используемого в качестве сырья для производства или сохранение традиции уникальной технологии.

Каковы характерные общие особенности как 4-х указанных «распределённых мануфактур», так и нескольких других выявленных, но ещё не описанных нами? Во-первых, все эти производства имеют очень давнюю традицию местных промыслов, которые в советские годы были развиты и поставлены на промышленную основу: во всех городах были созданы фабрично-заводские производства, основывающиеся на местных промыслах населения и на его умениях и хозяйственной практике.

Во-вторых, в производственном процессе «рассеянных мануфактур» используются либо уникальные местные ресурсы (как например, порода хопёрских коз с особым качеством пуха), либо традиционные, нередко уникальные, практики населения

(как например, традиция сапожного производства в Кимрах, ростовская финифть, выделка меха и пошив в Лабинске).

В-третьих, изготовление товарных изделий требует нескольких отдельных простых, но трудоёмких операций, которые могут производиться отдельно и одновременно (не требуют упорядоченной единовременной сборки компонент, т.е. отсутствует выгода конвейерного производства). Это позволяет осуществлять каждую операцию независимо, распределять их выполнение между отдельными независимыми исполнителями. Выращивание коз, их стрижка, обработка пуха (чистка, пушение и чесание), вязание изделий и их реализация на рынке разнесены в пространстве сельских и городских домохозяйств и во времени, охватывая годовой цикл. Точно то же с производством меховых изделий как из привозного меха, так и выращиваемых в домашних «зверохозяйствах» Лабинска и его окрестностей. Приобретение и раскрой кожи, изготовление лекал, подмётки, пошив сапог (и другой кожаной обуви) производится независимо многими домохозяйствами в Кимрах. Изготовление медной или серебряной основы, заливка эмали, нанесение рисунка и обжиг, изготовление филигранный и окончательная ювелирная обработка разнообразной ростовской финифти точно так же распределена между многими домохозяйствами.

В-четвёртых, в производственном цикле сочетаются два вида операций. Большинство из них трудоёмки и, одновременно, очень просты (как изготовление основы для финифти, первичная обработка кожи, меха или пуха). Но часть операций – одна или две – требуют, как правило высокого профессионализма, умения, особых навыков (работа художников-миниатюристов и ювелиров-филигранщиков, лекальщиков и модельеров, меховых швей или вязальщиков платков). В силу этого и весь производственный цикл «привязан» к территории проживания людей, обладающих такими редкими или уникальными умениями.

В-пятых, отдельные простые элементы производственного цикла концентрируются территориально в «рабочих домах»: несколько исполнителей (от 2-3 до 10) объединяются и выполняют одну операцию вместе, обычно на территории одного домохозяйства, как правило, в выделенном помещении. Здесь имеет место эффект кооперации: отдельные операции легче и быстрее выполнять совместно. Поэтому во всех городах создано множество «рабочих домов», в которых участники объединены по артельному принципу, т.е. члены таких коллективов – родственники и близкие знакомые, соседи. Это создаёт основу для артельной кооперации в рамках «распределённых мануфактур», что нам представляется одним из ключевых факторов устойчивости и жизнеспособности этого вида промыслов населения.

В-шестых, реализация готовых изделий – розничная и оптовая продажа – осуществляется не только на местных рынках, но приобретает и межстрановой характер. Во всех городах созданы коалиции («кланы») торговцев готовыми изделиями, которые между собой находятся в тесной кооперации и, одновременно, в жёсткой конкуренции, «держат рынок», не пускают сюда чужих, активно развивают оптовую «торговлю на дальние расстояния» (в пределах страны и за границей). Этот компонент «распределённой мануфактуры» связан со многими другими видами предпринимательской активности населения: поставщиками сырья (медь, серебро, кожа, мех), оптовыми покупателями (которыми нередко выступают крупные организации разной формы собственности), коммивояжёрами-распространителями продукции (цыгане), а также с теми, кто предоставляет дополнительные услуги, прежде всего транспортные.

Почти вся производственная и торговая деятельность населения в рамках «распределённой мануфактуры» носит неформальный и теневой характер. Доход от производства является доходом в личном подсобном хозяйстве. Обменные отношения между исполнителями отдельных операций редко оформляются официально (хотя часть людей регистрируются в качестве индивидуальных предпринимателей или даже малых предприятий). Объёмы сырья, как и стоимость произведённой продукции нигде не зафиксированы. Ни в муниципальных учётно-отчётных данных, ни, тем более в государственных статистических данных не зафиксированы ни численность населения, участвующего в «распределённой мануфактуре», ни объёмы производства, ни торговый оборот. Выявленные способы хозяйственно-экономического поведения провинциального населения находятся преимущественно в неформальном и теневом сегменте экономики и никак не фиксируются официально.

Необходимо отметить одну важную особенность выявленных до сих пор и описанных «распределённых мануфактур». Все они возникли в малых городах. В крупных городах мы повсеместно наблюдаем «гаражную экономику», как форму «пост-цеховой» организации производства, но здесь нет «распределённых мануфактур». Напротив, в малых городах гаражи по-прежнему в основном используются по своим основным (исходным) назначениям или в качестве «рабочих домов».

Мы видим несколько причин для объяснения феномена «распределённых мануфактур». Первой, спусковой причиной могла явиться та критическая ситуация, которая сложилась в малых городах в начале 1990-х годов и поставила их население в особое положение сравнительно с жителями крупных городов и сельской местности. В отличие от первых, в малых городах рухнули и развалились почти всегда единственные градообразующие предприятия и многие люди лишились работы и возможностей её найти в своей местности. В отличие от вторых, большинство домохозяйств в малом городе не могло сразу перейти на натуральное самообеспечение в силу отсутствия или недостаточности приусадебных участков. Поэтому способами срочной адаптации жителей малых городов и выступили такие архаические формы как возвращение отхожих промыслов и переход к артельному труду на соседско-родственной основе. Этот последний в некоторых (вероятно, очень немногих) малых городах достаточно быстро развился в «распределённую мануфактуру», столь же архаическую форму промысловой организации хозяйственно-экономической жизни, как и отход (впрочем, две совершенно дополнительных формы, в России всегда развивавшиеся совместно, см.: Минц, 1926; Виноградов, 1927).

Вторая причина, обусловившая, в частности, теневой характер «распределённых мануфактур», видится нам в государстве. Предполагаем, что основным фактором развития «рассеянной мануфактуры» как псевдоархаического экономического института является чрезмерное регулирующее воздействие государства на малый бизнес. Как известно, такое воздействие практически всегда оказывается «ингибитором» нового бизнеса (Чепуренко, 2008; Чепуренко, Яковлев, 2013), а с течением времени заставляет уходить «в тень» или сворачивать и существующий малый бизнес, особенно в провинции (Plusnin, Slobodskoy-Plusnin, 2013). В результате этого складывающиеся провинциальные «распределённые мануфактуры» являются одним из двух ответов (вторым является отхожий промысел, см.: Plusnin et al., 2015) активного населения на усиливающееся регулирующее воздействие «сосредотачивающегося государства».

Литература

1. Коклан Д., О'Коннел Дж., Мерфи И. Знания, инновации и творческий потенциал как основа экономического развития в XXI в. // Вестник международных организаций. 2010. No 3 (29) С. 21-32.
2. Чепуренко А.Ю. Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // Мир России, 2008. Т. 17, №2. С. 22-40.
3. Чепуренко А.Ю., Яковлев А.А. Теория предпринимательства: важность контекста // Российский журнал менеджмента 51 Том 11, No 2, 2013. С. 51–60.
4. Bopp F., Rapid Manufacturing: Zukünftige Wertschöpfungsmodelle durch generative Fertigungsverfahren. Diplomica Verlag, 2010. 84 S.
5. Dekkers R., Bennett D. [L₁][SEP]Industrial Networks of the Future: Review of Research and Practice [L₁][SEP] / Dispersed Manufacturing Networks. Challenges for Research and Practice / Dekkers, Rob (Ed.) 13-34.
6. Hermann Kühnle, Günter Bitsch Foundations & Principles of Distributed Manufacturing: Elements of Manufacturing Networks, Cyber-Physical Production Systems and Smart Automation. Springer Verlag, 2015, 121 p.
7. Kahan A., Hellie R. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. 1985. pp. 121-136. <https://books.google.ru/books?isbn=0226422534>
8. Kostakis V., Bauwens M. Network Society and Future Scenarios for a Collaborative Economy. Palgrave Pivot, 2014. 98 p.
9. Kühnle Hermann, Distributed Manufacturing: Paradigm, Concepts, Solutions and Examples. Springer Science & Business Media, 2009, 191 p.
10. Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. Local government and small business: mismatch of expectation. – Basic research Program. Working papers. Series: Public Administration. – WP BRS 04/PA/2013. – М.: HSE, 2013. – 24 p.
11. Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants. – Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015. – 306 S. (Serie “ Soviet and Post-Soviet Politic and Society, SPPS, No 141).
12. Sheilagh C. Ogilvie (1993). Proto-industrialization in Europe. // Continuity and Change / Volume 8 / Issue 02 / August 1993, pp 159 - 179.